

Зайцев Г. С.,
к. и. н., директор Центра региональных справочных изданий
Тюменского государственного университета

Великая Отечественная война глазами старшего политрука Е. Тихонова и старшего лейтенанта С. Зайцева

Страничка из дневника и воспоминаний

Великая Отечественная война священна, и её итоги не подлежат пересмотру или переосмыслению – об этом чётко высказался президент Российской Федерации В.В. Путин 24 июня 2020 года на параде в честь 75-летия Великой Победы. Память о Великой Отечественной войне является уникальной скрепой нашего многоконфессионального и многонационального Отечества. Для историков и всех нас представляют особый интерес воспоминания участников войны, их дневники. В своё время я попросил отца написать воспоминания о войне! В этих воспоминаниях я увидел её глазами своего отца – 22-летнего лейтенанта РККА. В 2012 году в ИГИ ТюмГУ обратилась аспирантка Алсу Равильевна Вафеева, которая принесла потрясающий документ – дневник политрука Тихонова, участника Сталинградской битвы! Дневник начинается с 7 марта 1942 года и заканчивается 28 декабря 1943 года.

Дневник политрука Тихонова и воспоминания моего отца незримым образом перекликаются во временном и территориальном пространстве, так как битвы за Кавказ и Сталинград взаимосвязаны. Гитлер надеялся, захватив Сталинград, по Волге выйти на Кавказ, поэтому оборона Кавказа и Сталинграда – это единый стратегический замысел. Сталинградская битва началась 17 июля 1942 года, а оборона Кавказа на неделю позже – 25 июля 1942 года.

Я сделал небольшой сравнительный анализ этих двух уникальных документов. Отец воевал под Ростовом, оборонял Кавказ, освобождал Кубань и т.д. Вот он пишет: «Мы прибыли под Ростов н/д, где разместились в станице Ольгинской. Вырыли землянки и там находились где-то до 7-9 ноября, в ночь на 9-е получили на ужин по 100 наркомовских грамм, а накануне мы были в бане г. Аксай. Во время ужина нас по тревоге подняли, и я получил на взвод 27 винтовок и 1 автомат ППШ, гранаты РГД, и маршем двинулись на

С.И. Зайцев.
Краснодар, 1942 год

Ростов, а фашисты, оказывается, были недалеко от Ростова».

И у Е. Тихонова имеются записи об этих территориях. Вот он пишет: «По сути, юг уже отрезан от Москвы, т.к. жел. дор. сообщения уже нет. ...Ну как будет на Кавказе? Чёрт его знает, как велика угроза» [3]. Отец описывает, как они в ноябре 1941 года первый раз освобождали Ростов: «Числа сейчас не помню, но примерно в конце ноября, когда вдарили морозы и Дон стал, наша 347 с.д. в составе 2-х полков перешла в наступление со стороны Аксая, а наш полк пошёл в наступление на Александровку или на Алексе-

евку, пригород Ростова. Выбили немцев и стали продвигаться с целью освобождения Ростова. ...На одной из улиц г. Ростова увидел лежащую навзничь женщину у калитки дома, по-видимому, немец ударил её прикладом в висок, вся её левая сторона была покрыта сплошным кровоподтёком. А раньше видел лежащего сержанта (ком. отделения), зверски замученного фашистами, выколоты глаза, отрезаны уши, нос, и главное, что отрезан половой орган (член). Документы были при нём, я вытащил красноармейскую книжку, фотография или сестры, а скорее всего, девушки, и письмо от неё. Был он уроженец г. Калинина.

И сержанта, и женщину я показал нескольким своим бойцам и сказал, не стройте иллюзий в отношении немцев, видите, что они делают с нашими советскими людьми и бойцами нашей армии» [1]. И в дневнике, и в воспоминаниях моего отца много перекликающихся моментов как в период отступления, так и тогда, когда начали наступление под Сталинградом и на Кавказе. Воевали они, можно сказать, рядом, и их

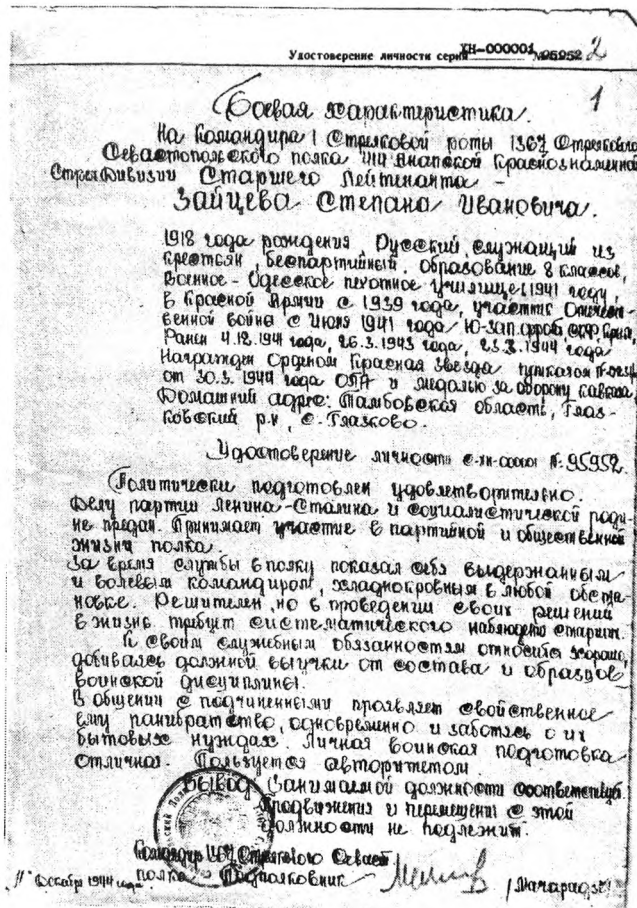
пути могли пересекаться. 17 марта 1943 года читаем у Тихонова: «Вчера утром со скоростью 80 км мы подъехали по асфальтированному шоссе к Дону в районе Аксай, а затем оттуда – в Ростов» [3]. Отец в это время был сильно контужен и находился в госпиталях Кубани: «...преследуя отходящего врага, освободили Пятигорск, Минводы, города и станции Кубани и 23 февраля 1943 года, ровно в День Советской Армии, я был контужен разрывом снаряда в станице Черноерковской. Госпиталь ОПРОС аул Лапшукай, госпиталь аул Тахтамукай ОПРОС перебросили в станицу Холмскую» [1]. У Тихонова и у моего отца впоследствии был один командующий – Ерёмченко. Отец вспоминал бой 22 марта 1944 года, в котором он получил тяжёлое ранение: «Мы получили приказ произвести разведку

боем, а разведка, да плюс боем, да к тому же ограниченным количеством боеприпасов – только ночью их переправляли через Керченский пролив, который просматривался и простреливался немцами... Оборона немцев была глубоко эшелонированной. Я отобрал человек 9-11 добровольцев и стал действовать по продольной линии. Забросали гранатами, продвинулись метров 40-50 вперёд и так мы заняли 2-ю линию окопов против-

ника... и тут же я почувствовал сильный удар в спину. Вначале я подумал, что это вдарил осколок, повернулся к ординарцу и спросил, нет ли у меня дырки в шинели, и, по-видимому, потеряв часть крови, я потерял сознание и упал на дно окопа. Стоявшие недалеко солдаты, увидев это, закричали – один или два, а я когда упал, по-видимому, кровь поступила в голову. В общем, я очнулся и услышал: "Ребята, отвоевались, нашего командира наеб..."» Далее отец описал, как пришёл сотрудник Смерша, и когда отец очнулся, рассказал, что «...за боем, вернее, разведкой боем наблюдал команду-

ющий ОПГМ Ерёмченко и сказал наградить этого офицера вплоть до ордена Ленина, по его желанию. Наградной лист был оформлен на Отечественную войну. Я так распорядился, ибо война ещё не кончилась, а по статусу Отечественная война остаётся у родственников после смерти награждённого» [1]. Вот такие интересные исторические моменты встречаются в жизни!

Вернёмся к тексту дневника. У Е. Тихонова много критических высказываний в адрес командования о бездарности некоторых наших военачальников. Это также одна из загадок! Как мог политрук писать дневник с такими высказываниями и не бояться, что его могут арестовать работники Смерша? Вот одно из таких высказываний. Вспоминает 17 сентября 1941 года и пишет: «Интересный путь.

Но, конечно, позорный. Сколько армий (5, 9, 12 и ещё, кажется) ЮЗФ с пушками и танками проявили полную растерянность и бежали как стадо, потеряв почти всю мысль об отпоре». Далее цитирует выдержки из немецкой листовки: «Почему-то вспоминаются слова из немецкой листовки, где Тимошенко называют горе-воежкой. Пожалуй, так оно и есть». А далее читаем: «С тех пор, как сменено командование, положение резко изменилось. Как защищается Сталинград. И, чего доброго, немцы будут разбиты под этим историческим городом» [3]. Он пишет о смене командования, скорее всего, смена произошла после знаменитого приказа Сталина № 227 7 августа 1942 года. Старший политрук Тихонов пишет в дневнике: «Недавно нас всех взволновал приказ товарища Сталина № 227 «Ни шагу назад!» – вот его смысл. Куда же дальше, в самом деле, отступить! Тем более что в приказе сказано о многих горьких истинах: ресурсов у нас не больше, чем у немцев, организованность плохая, дисциплина плохая. Будем учиться у врагов дисциплине. Сами не могли догадаться, что болтовня о дисциплине и практическое её внедрение – вещи разные. Ну а немцы меньше болтают, а больше делают». Он делает вывод, что сила инерции очень велика, русское авось привело к сильнейшим потерям. А далее мы читаем: «Если бы приказ был издан до нашего отхода от Харькова, то, возможно, что и был отход, но темпы и размеры его были бы гораздо меньше» [3]. Под Харьковом мы потеряли 171 тысячу убитыми, а 240 тысяч солдат попало в плен [4]. В дневнике Тихонов чётко описал, как жил прифронтовой Сталинград, как работали театры, кинотеатры и даже сколько стоили продукты питания. «1 августа был в г. Сталинграде. Не город, а толкучка, в которой главную массу составляют военные. ...Ходят трамваи, работают театры и кино. Был в музкомедии. Смотрел новую постановку «Ночь в июне». Повторно был в Сталинграде 21 августа 1942 года. «Вчера был в городе. За компанию второй раз смотрел «Ночь в июне»... Театр переполнен» [3]. Очень чётко зафиксирован момент, когда закончилась мирная жизнь в городе, это было 23 августа 1942 года, в воскресенье. «В этот вечер впервые на город совершили налёт десятки тяжёлых бомбардировщиков и с большой высоты забросали город бомбами». Описывает страшные бомбёжки, разрушения и восклицает: «Можно сказать, был город – и нет города. Центр представляет ещё более жуткую картину. ...Разрушен

и СТЗ. ...Перед нами открывается жуткая картина: горящий Сталинград на фоне заходящего солнца» [3]. Вражеская авиация совершила 2000 налётов на город. Более 40 тысяч мирных жителей Сталинграда были убиты фашистами [2]. В дневнике критически отзывается о руководителях, которые вовремя не эвакуировали СТЗ и другие заводы, не эвакуировали население! Эвакуация населения началась только 3 сентября 1942 года. Автор дневника пытается спрогнозировать, сколько мы будем воевать с Германией. «Ведь мы одни воюем против всей Европы, вся Европа работает на Гитлера, и армии многих государств сражаются против нас». Далее читаем: «В 14-18 гг. против Германии выступили Фр., Анг., Россия, США, Яп., Италия и др., и то разгромили её через 4 года!» [3]. В этой цитате Тихонов как бы предсказывает продолжительность Великой Отечественной войны. Евгений Тихонов и мой отец верили в будущую победу над Германией, верили в мужество нашего народа, верили в правительство Сталина и открытие второго фронта. «Никак не вмещается в голове мысль о том, что наша страна, великий Советский Союз, народ, который стоит на голову выше всех остальных, могут быть покорены Германией. Нет и нет! Что-то должно произойти, на что-то наше правительство и товарищ Сталин ещё рассчитывают, хотя наши шансы на выигрыш, бесспорно, уменьшились и продолжают уменьшаться, ведь мы можем потерять весь Кавказ, а майкопскую нефть уже потеряли. А может, это продвижение немцев чревато катастрофой и для них? Сверху видней. А может быть, второй фронт не будет только нашей надеждой (сколько можно ждать!), а станет реальностью» [3]. 16 октября 1942 года он видел Хрущёва и командующего Сталинградским фронтом генерал-полковника Ерёменко и задал сам себе вопрос: «Интересно знать, что думает Никита Сергеевич о наших делах?» Немецкий историк Вальтер Гёрлиц признал: «Сталинград стал, безусловно, крупнейшим поражением, которое когда-либо терпела немецкая армия». 90-летний Дитер Бирц, бывший рядовой вермахта, штурмовавшего Мамаев курган, вспоминает: «Фюрер приказал стереть Сталинград с лица земли, и я видел, как наши самолёты бомбили не только заводы с вокзалами, но и школы, детские сады, поезда с беженцами. ...Мои сослуживцы, обезумев от злобы, убивали всех без разбора – и раненых, и пленных» [2]. 20 ноября 1942 года читаем в дневнике у Тихонова:

«...части СТФ получили приказ о наступлении на всём фронте. ...Настроение у людей приподнятое, всем хочется скорей за Волгу, за Дон, к родному Днепру» [3]. Это было начало нашей операции «Уран». 30 ноября 1942 года читаем в дневнике: «Наступление идёт успешно. Оборванцы румыны тысячами сдаются в плен. Мы тоже тронулись за Волгу» [3]. Пишет, как освобождали наши города, станции и сёла. Тихонов пишет, как одна бойкая бабушка рассказывает о настроениях сегодняшних румынских вояк: «У немцев техника, у русских техника – пусть себе воюют, а мы домой! И бегут. А немцы расстреливают их пачками за отказ воевать» [3].

В одном из номеров «Аргументов и фактов» за 2013 год опубликована статья о Паулюсе. Он часто повторял: «Русский народ не победить никому!» По его мнению, немецкая армия «недооценила» мужество не только советских солдат, но и жителей города, защищавших каждый дом, – «даже женщины и дети были готовы рвать нам глотки» [2]. Незадолго до своей смерти (он умер 1 февраля 1957 года, в день капитуляции своей армии) его спросили, что бы он сейчас сказал жителям Сталинграда, он ответил: «Я хочу перед ними извиниться...» [2].

Отец в конце своего воспоминания оставил для меня и моих детей следующую запись: «Да, Геннадий! Для вас сейчас что война, что мир, всё ясно и просто. Может, это и хорошо, а это действительно хорошо, что вы этого не испытали, и не дай Бог ни вам, ни вашим детям испытать это. Война – это, брат, не только подвиги и героические сражения, но это ещё и странная нелепость. И поступки, и судьбы человеческие в ней часто зависели от случайностей, которые и теперь не так-то просто объяснить. И не дай вам Бог судить о ней так, как судят некоторые, и судить тех, кто за вас на ней свою кровь проливал. Да, Геннадий, сколько раз твой отец был на волоске от смерти. Когда убили комзвода Никульшина, ко мне подошёл его ординарец-моряк и, плача, стал во весь рост, стал рассказывать, как это произошло, ну а мне, как офицеру, сидя или согнувшись было неудобно его выслушивать, и вот, стоя и слушая, грудь была в тельняшке, смотрю, сникла голова, видимо, снайпер послал ему пулю прямо в кадык горла. Хорошо, что я был в солдатской форме, был приказ по армии не надевать знаков различия на передовой, а немцы моряков называли *schwarzetoda* – чёрная смерть» [1].

Список источников:

1. Воспоминания старшего лейтенанта С.И. Зайцева (личный архив Г.С. Зайцева).
2. Аргументы и факты. – 2013. – № 5.
3. Дневник политрука Тихонова.
4. Тюменские Известия. – 31.01.13. – № 16.